

Агеев Александр Иванович — директор Института экономических стратегий, генеральный директор Международного научно-исследовательского института проблем управления, заведующий кафедрой НИЯУ МИФИ, доктор экономических наук, профессор МГИМО(у) МИД России, НИЯУ МИФИ, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Аверьянов Максим Александрович — директор департамента консалтинга Группы компаний «ЦИТ».

Евтушенко Сергей Николаевич — действительный государственный советник Российской Федерации.

Кочетова Елена Юрьевна — руководитель проектов Группы компаний «ЦИТ».

Сиваков Руслан Леонидович — президент Группы компаний «ЦИТ».

Aleksandr I. Ageev — Institute for Economic Strategies; International Research Institute for Advanced Systems; MGIMO University; MEPhI; Lomonosov Moscow State University.

Maxim A. Averyanov — CIT Group of Companies.

Sergey N. Evtushenko — Full State Councilor of the Russian Federation.

Elena Yu. Kochetova — CIT Group of Companies.

Ruslan L. Sivakov — CIT Group of Companies.

УДК
DOI:

Авторы статьи поднимают вопросы соответствия (адекватности) идеологии, анализируют подходы и инфраструктуру национальной системы безопасности в свете глобальных изменений в экономике, де-факто ведущихся гибридных войн, а также природных и экологических чрезвычайных ситуаций. В качестве центрального элемента подготовки к таким событиям и реакции на них рассматривается мобилизация в классическом понимании, закрепленном в законодательстве, дается ее анализ на предмет соответствия актуальным гибридным угрозам, а также предлагаются новые подходы к цифровой трансформации комплексной системы национальной безопасности и мобилизации в частности.

Ключевые слова

Мобилизация, национальная безопасность, цифровая трансформация, цифровые активы, управление по цифровым активам, гибридные войны, угрозы.

Цифровая трансформация национальной безопасности в контексте глобальных гибридных угроз

«Причины гибели больших империй — неадекватность восприятия действительности правящими элитами...»

А.Д. Тойнби

Мобилизация общества и экономики всегда сопровождала Россию в трудные времена. Серьезные потрясения, в которых оказывалась страна в разные годы, ставили ее перед угрозой потери суверенитета.

Так, например, стихийная мобилизация общества, инициированная Кузьмой Мининым, а затем и военная и экономическая мобилизация 1611–1612 гг., помогли преодолеть последствия смуты и восстановить российскую государственность.

Неуверенная мобилизационная политика в начале Первой мировой войны, отсутствие решений в сфере регулирования экономики, попытка выстроить отношения с буржуазией через уступки привели к серьезным проблемам в тылу и срыву общей мобилизации, а первый год войны был назван «потерянным годом» [1].

Учет этих ошибок, а также системный и уверенный подход к государственной мобилизации 1930–1940-х годов, позволили Советскому Союзу трансформироваться из аграрной страны в индустриальную державу и выиграть Великую Отечественную войну.

Сегодня России необходимо реагировать на происходящие события — уверенно отстаивать свое место в многополярном постглобальном мире и быть среди лидеров в процессе смены технологических укладов.

Однако не только военные и экономические конфликты требуют реакции и мобилизации сил. Чрезвычайные события имеют и природные корни. Причины некоторых угроз, например COVID-19, до сих пор окончательно не установлены. Одни эксперты считают, что вирус создан в лаборатории, другие настаивают на его природном происхождении. В таком случае целесообразно комплексно подойти к вопросу многообразия, многофакторности и связанности угроз, обозначив их как гибридные.

Очевидно, что обойтись без мобилизации усилий для борьбы со всеми этими угрозами вряд ли удастся. Но какой такая мобилизация должна быть сегодня и завтра? Каковы механизмы ее реализации в системе национальной безопасности?

В данной статье предлагается рассмотреть систему факторов, определяющих необходимость транс-

Digital transformation of national security in the context of global hybrid threats

In this article, the authors raise the issues of compliance (adequacy) of the ideology, approaches and infrastructure of the national security system in the light of global changes in the economy, de facto hybrid wars and ongoing natural and environmental emergencies. As a central element of preparation for such events and reaction to them, the authors considers mobilization in the classical sense, enshrined in the legislation, analyzes it for compliance with current hybrid threats, and also suggests new approaches to the digital transformation of the complex system of national security and mobilization, in particular.

Keywords

Mobilization, national security, digital transformation, digital assets, digital asset management, hybrid wars, threats.

➤ Современные конфликты зачастую проходят без формального объявления войны, носят гибридный характер.

формации системы национальной безопасности, в частности мобилизации, а также саму мобилизацию, ее новые формы и особенности реализации.

Понятие мобилизации

Мобилизация является элементом национальной безопасности. В целом ее можно охарактеризовать как ответную реакцию на любую чрезвычайную ситуацию. Согласно законодательству, под мобилизацией в России понимается комплекс мероприятий по переводу экономики РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, а также органов государственной власти, местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени. Вооруженные силы РФ, другие войска, воинские формирования, органы и специальные формирования начинают действовать в соответствии с требованиями военного времени [2].

Данное определение однозначно привязывает мобилизацию к военному времени — периоду, в течение которого два государства, группа государств либо политические силы внутри одного государства находятся в состоянии войны между собой [3]. Состояние войны возникает с момента ее объявления высшим органом государственной власти либо с момента фактического начала военных действий.

Очевидно, что такая привязка значительно ограничивает применение механизма мобилизации как по основанию для объявления, так и по широте и гибкости мероприятий самой мобилизации.

Современные вызовы и ограниченность мобилизации

Современные конфликты зачастую проходят без формального объявления войны, носят гибридный характер: нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента при помощи скрытых операций, экономических санкций, диверсий, кибервоздействия, а также оказывая поддержку оппозиции или влияя на культурные устои общества. При этом военные действия могут вообще не вестись, и с формальной точки зрения гибридная война может протекать в мирное время [4]. В целом мы видим, что доля классических вооруженных конфликтов и прямых столкновений уменьшается, меняется их природа, снижается количество жертв, но значительно возрастает длительность [5].

В этом ключе справедливым представляется мнение о том, что наше восприятие войны пока находится в плену индустриальной эпохи, и это блокирует под-

готовку к отражению новых угроз [6]. Планируемая сегодня мобилизация и осуществляемая мобилизационная подготовка скорее нацелены на отражение вчерашних угроз и ведение прошедших войн.

Означает ли это, что стороны конфликта не могут быть в состоянии мобилизации?

Если конфликт или скрытые операции распознаны, возникает необходимость ответных мер, масштаб и симметричность которых должны быть целесообразными. Конфигурация ответных мер может включать мобилизационные сценарии.

В соответствии с законом мобилизация объявляется после подписания Указа Президента Российской Федерации. Но в случае гибридных конфликтов инициирование их одной стороной и распознавание другой официально не осуществляется. Таким образом, объявление мобилизации не имеет правовых оснований, соответственно, невозможен запуск механизмов ее реализации, волевые участия участников и контроля мероприятий в гибридной войне.

Проблемы национальной безопасности и мобилизации в современном контексте

Рассмотрим показательный пример. В 2019–2020 гг. сообщения о возникновении нового вируса в китайской провинции Ухань не проецировались на Россию достаточно продолжительный период — несколько месяцев. COVID-19 не рассматривался как угроза, никто из представителей власти, по крайней мере публично, не обсуждал возможные последствия его распространения для российского общества и экономики. Все как в народной поговорке: пока жареный петух не клюнет, мужик не перекрестится. Далее события стали развиваться стремительно, и власть, по сути, перешла в режим мобилизации, однако первые шаги на пути осознания масштаба пандемии и планирования действий были крайне неуверенными. Региональные власти и ведомства в подавляющем большинстве не проявляли инициативу и действовали с оглядкой на федеральный центр. Все предпринятые действия могли быть выполнены и ранее, если бы угроза была воспринята адекватно. Была возможность и предупредить, и купировать чрезвычайную ситуацию.

Этот пример наглядно демонстрирует проблемы в контуре системы управления государством, связанные с контролем угроз и реакцией на существенные неблагоприятные события. По мнению авторитетных отечественных политологов и представителей военного истеблишмента, экспертно-аналитическое обеспечение политики в области национальной безопасности оставляет желать лучшего. Эффективной системы, соответствующей новым гибридным вызовам, до сих

пор не создано [7, 8]. Существующее институционально-смысловое поле разделено по ведомственно-дисциплинарному принципу и разбалансировано. Государственные ведомства и специализированные учреждения занимаются выявлением рисков и прогнозированием угроз только в зонах своей ответственности. Более того, отсутствует интегрирующий центр разработки и принятия решений в области национальной безопасности, не сформирована сеть экспертно-аналитических институтов — «мозговых центров», работающая под общую государственную стратегию в конкурентном режиме. Все это происходит в контексте обостряющейся геополитической обстановки в условиях разрушения традиционных механизмов ограничения военно-политической конфронтации и экономической конкуренции [9].

Приведенный выше пример показывает, что используемые подходы и действующая система в целом обладают рядом недостатков.

В частности, очевидно, что система не способна выявить и идентифицировать угрозы на ранней стадии их возникновения. Требуется время для того, чтобы угроза стала явной и переросла в реальное неблагоприятное событие.

Одна из причин этого — низкое качество моделирования угроз и отсутствие комплексности. Другой причиной является невозможность опознать момент наступления риска, даже если он и был спрогнозирован. Подчас это не техническая проблема, а человеческий фактор, закрепленный в системе управления, когда чиновник или руководитель крупной корпорации зачастую не берет на себя ответственность самостоятельно признать наступившее событие и инициировать чрезвычайные мероприятия. Многие неблагоприятные события нивелируются в новостной повестке, замалчиваются до возникновения критического состояния. Так, например, обстояли дела с утечкой дизельного топлива в Норильске 29 мая 2020 г., в результате чего произошла экологическая катастрофа федерального масштаба, которая создала не только локальную проблему, но и угрозу для экосистемы Северного Ледовитого океана [10].

Отдельно углубимся в вопросы мобилизации как одного из механизмов системы национальной безопасности. Анализ открытой нормативной базы, а также методических указаний [11], дает основания полагать, что, несмотря на системность постановки и решения вопросов мобилизации, они имеют ряд существенных недостатков в современном контексте.

Во-первых, это излишняя бюрократизированность. Сложно оформленные процессы взаимодействия и организационные мероприятия размывают ответственность, снижают реальные пол-

➤ Очевидно, что система не способна выявить и идентифицировать угрозы на ранней стадии их возникновения. Требуется время для того, чтобы угроза стала явной и переросла в реальное неблагоприятное событие.

номочия центра контроля и принятия решений, порождают конфликты матричного типа, что в случае наступления чрезвычайной ситуации будет только затруднять и срывать мобилизацию.

Во-вторых, как уже упоминалось, мобилизационная реакция на гибридное, неочевидное воздействие отсутствует, совершенно не учитываются возможности и риски новых информационных и социальных технологий, не принимаются во внимание влияние и последствия цифровой трансформации международных экономических отношений.

В-третьих, мероприятия по переводу экономики Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований на работу в условиях чрезвычайных ситуаций вызывают вопросы, связанные со значительной трансформацией взаимодействий между экономическими субъектами, с появлением принципиально новых видов активностей — цифровых, а также отношением к ним со стороны заинтересованных сторон, в том числе государства.

Обобщив эти недостатки и добавив фактор законодательно определенной формулировки мобилизации, можно обозначить существующую проблему как проблему отсутствия гибкости. Гибкость в общем случае трактуется как маневренность, приспособляемость, способность системы реагировать на изменения. Применительно к мобилизации можно констатировать ее низкую, практически нулевую, гибкость, что в условиях гибридных конфликтов не позволяет нормативно или адаптивно изменять состояние и поведение. Как следствие, мобилизация становится малоэффективной. Более того, она дает ложные надежды безопасности и гарантии позитивного выхода из конфликта.

Что касается инфраструктурной составляющей, то, согласно стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12], информационную основу реализации данной стратегии составляет федеральная информационная система стратегического планирования, включающая в себя информационные ресурсы органов государственной власти и органов местного самоуправления,

системы распределенных ситуационных центров и государственных научных организаций. В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [13] обозначены цели упомянутой информационной системы, которые направлены на обеспечение работы стратегического контура планирования, имеющего дискретность от года до шести лет. Таким образом, вышеупомянутая проблема гибкости мобилизации усугубляется еще и отсутствием аналитической и координационной инфраструктуры национальной системы безопасности в целом.

комплексной национальной безопасности и является потенциальным источником для мобилизационных мероприятий.

Перечисленные выше меры и подходы, конечно, нацелены на наведение порядка, однако возникает вопрос об их адекватности актуальной ситуации. Угрозы усложняются и растут, комплексизируются и гибридируются, а единой системы противодействия им так и нет. Очевидно, что у государства нет времени на раскочку. Ответом на такую ситуацию, в отличие от буксующего «наведения порядка», опи-

➤ Для цифровой трансформации системы национальной безопасности предлагается использовать платформенный подход и цифровые активы, а для построения соответствующей системы управления — метод управления по цифровым активам.

Подходы к трансформации системы национальной безопасности

Перечисленные проблемы однозначно требуют решения. Складывающаяся обстановка обуславливает необходимость качественного всестороннего анализа и прогнозирования основных направлений развития средств обеспечения безопасности страны и разработки мер противодействия возникающим угрозам [14, 15]. Крайне важно определить путь, по которому следует идти. В последнее время мы видим ряд мер и проектов, направленных на наведение порядка в сфере обеспечения комплексной безопасности. Так, например, были созданы ситуационные центры в отдельных ведомствах и регионах, в ряде отраслей формируются единые информационные пространства, где решается задача объединения информационных контуров субъектов, в том числе для целей общего анализа ситуации. Одна из последних инициатив — создание центров управления регионов.

Экологическая катастрофа в Норильске, кроме прочего, высветила проблемы контрольно-надзорной деятельности, в которой уже довольно долго проводится реформа, призванная, в частности, повысить уровень безопасности. Следует напомнить, что контрольно-надзорная деятельность должна быть направлена на предупреждение и пресечение причинения вреда жизни, здоровью людей, нравственности, правам и законным интересам граждан и организаций, вреда животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, иным охраняемым законом ценностям. Это позволяет рассматривать контрольно-надзорную деятельность как элемент системы государственного управления, основанный на рискориентированном подходе, который непосредственно касается обеспечения

санного выше, должна стать трансформация всего контура обеспечения комплексной национальной безопасности. Сейчас актуальной является цифровая трансформация экономики, отдельных отраслей, предприятий, общества, социальных сфер. Цифровая трансформация комплексной безопасности должна быть гармоничной, синхронизированной с федеральными программами; более того, являясь, по сути, кросс-отраслевой и сквозной, она должна сформировать обязательные требования к федеральным программам.

Чтобы соответствовать уровню актуальных и будущих гибридных угроз, трансформированная система национальной безопасности должна:

- прогнозировать и идентифицировать широкий круг угроз;
- выявлять наступившие непрогнозируемые события;
- управлять профилактикой угроз;
- формировать управляющие воздействия на объекты национальной безопасности в оперативном режиме;
- получать всеобъемлющую и достоверную информацию о состоянии объектов и процессов национальной безопасности в оперативном режиме;
- формировать мобилизационные сценарии и осуществлять оперативное управление мобилизацией.

Для цифровой трансформации системы национальной безопасности предлагается использовать платформенный подход и цифровые активы [16], а для построения соответствующей системы управления — метод управления по цифровым активам.

Суть предлагаемого подхода заключается в представлении на государственном уровне модели экономики как кибернетической системы, по-

строенной на базе достаточно большой совокупности различных моделей, учитывающих всю сложность, многофакторность и динамичность экономических процессов с включением в систему вероятности рисков и угроз [16]. Тогда компетентные государственные руководители смогут не только успешно готовить управленческие воздействия и принимать ответственные решения относительно ожидаемого или желаемого состояния экономики, но и реагировать на гибридные угрозы в оперативном режиме. По сути, предлагается не разделять, а объединять и интегрировать контуры регулярного и ситуационного управления в чрезвычайных ситуациях (рис. 1).

Что касается метода управления на основе цифровых активов, то он предлагает управление, в основе которого лежат цифровые активы, формирующие единое представление о состоянии субъектов и объектов экономической системы и имеющие экономическую ценность и юридическую значимость. Жизненный цикл цифровых активов поддерживается современными цифровыми технологиями. Цифровые активы обеспечивают переход от документоцентричной парадигмы управления к датацентричной, при которой все заинтересованные лица получают информацию в оперативном режиме из одного источника или экземпляра данных.

Цифровые активы используются в процессах планирования деятельности как исходные данные, в процессах контроля как актуальные данные о состоянии объектов, процессов или совершенных транзакциях, а в операционных процессах как данные для принятия решений или осуществления триггерных операций, а также как результаты этих действий. В простом понимании цифровые активы представляют собой цифровые образы или двойники субъектов и объектов, а также

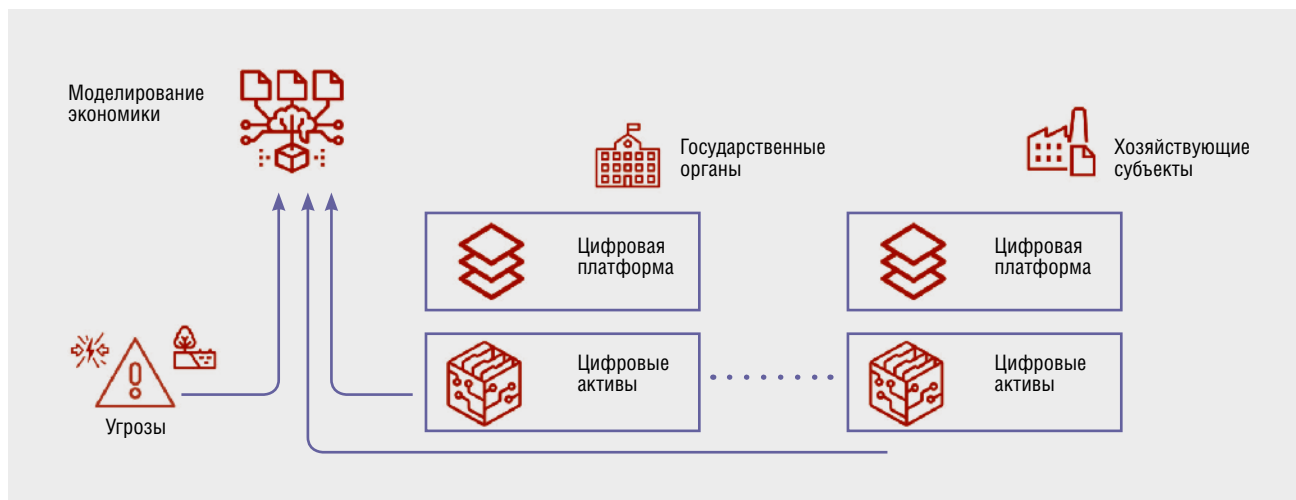
следы их транзакций. Обеспечив качественную двустороннюю связь цифровых активов с объектами и процессами, которым они соответствуют, можно переходить к управлению на основе цифровых активов, то есть принимать решения и формировать управляющее воздействие непосредственно через цифровые активы, а не напрямую на объекты управления.

Исходя из этого, архитектура системы управления (рис. 2) должна включать аналитический и координационный блоки, опирающиеся на всеобъемлющую и достоверную информацию о текущем и прогнозном состоянии объектов и процессов обеспечения национальной безопасности. Это третий блок, по сути, представляющий цифровые активы.

Задачи аналитического блока включают выявление угроз, моделирование их возникновения и развития и генерацию решений в виде сценариев мобилизации. Эти задачи должны решаться в режиме реального времени, при этом в расчеты включаются поступающие оперативные данные из всех сфер экономики, экологии, общественных отношений, обновляются мобилизационные сценарии и выводятся за пределы системы неактуальные. Очевидно, что данный блок должен быть реализован с использованием последних национальных и мировых достижений в сфере математики и экономики, с применением технологий искусственного интеллекта.

На последнем моменте следует остановиться особо. Искусственный интеллект сейчас становится одним из серьезных факторов, обеспечивающих лидерство в глобальном экономическом и военном контексте. Цифровые платформы и технологии искусственного интеллекта также могут быть активным инструментом десуверенизации России, создавая бреши в национальной безопас-

Рисунок 1
Цифровые активы как основа управления

ности [17]. Очевидно, что генеративный (наступа- тельный) искусственный интеллект, формиру- ющий рекомендации человеку или даже оперативно управляющий отдельными операциями в рамках гибридных и мозаичных войн [18], должен быть как минимум симметрично компенсирован ана- литическим блоком.

Координирующий блок должен решать задачи доставки сценариев мобилизации исполнителям и обеспечивать их взаимную координацию между собой. Такая координация может быть реализова- на на базе актуального сетцентрического подхо- да [19], эффективно используемого как в военной, так и в экономической сферах. Классическая се- тецентрическая система управления имеет специ- альную многослойную структуру. Минимальная конфигурация включает три слоя. Первый слой обеспечивает принятие решений в конкретных областях и по конкретным вопросам, здесь гото- вят информацию и формируют промежуточные решения для второго слоя, ответственного за так- тические решения. Третий слой на основе этих ди- ректив формирует оперативное управление, кото- рое поступает в исполнительные органы. Подоб- ная конфигурация позволяет принимать инте- гральные самосогласованные решения, которые обладают высоким синергическим потенциа- лом в силу своей близости к оптимуму [20].

Для поддержания устойчивости управления эконо- микой в любых критических условиях предла-

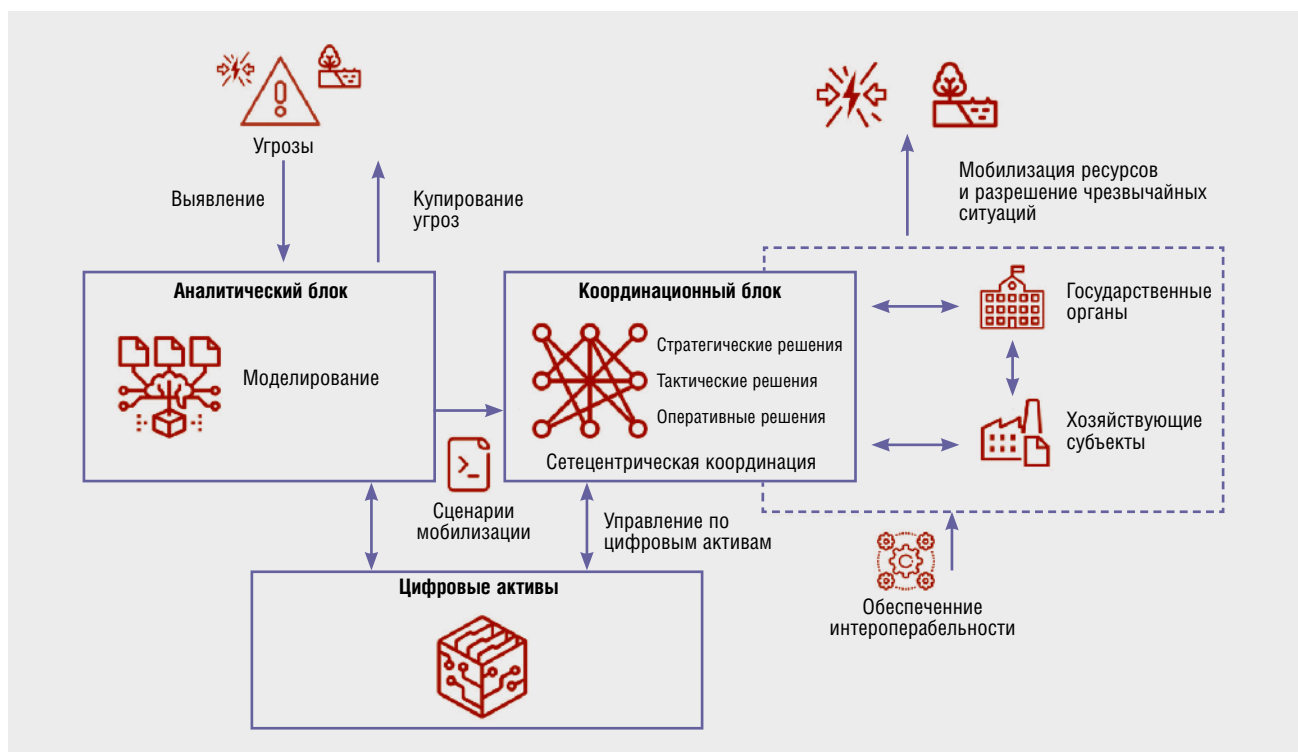
гается специальная модель совместного использо- вания государственными ведомствами и коммер- ческими структурами при подключении граждан- ского общества пула объектов, методов и средств на основе взаимодействия и объединения их ин- формационных сред [21]. В этом случае важно обеспечить их интероперабельность — совмести- мость на функциональном, семантическом и тех- ническом уровнях.

Гибкая мобилизация как ответ на гибридные угрозы

В дополнение к трансформации системы нацио- нальной безопасности адекватным ответом на гибридные конфликты или катастрофы должны стать гибкие подходы к мобилизации. В зависи- мости от природы риска они разнятся по степени открытости и демократичности.

В ходе масштабных мероприятий следует моби- лизовать только те ресурсы, которые необходи- мы и достаточны для чрезвычайной реакции на ситуацию. Более того, мобилизация *ad hoc*, по сути, может не предусматривать мобилизацион- ную подготовку и, будучи объявленной, позволя- ет в оперативном режиме привлечь требуемый ресурс. В экономическом контексте такой под- ход должен позволить государству привлечь эконо- мических субъектов и их активы в кратчай- шие сроки без официальной публикации реше- ния и, очевидно, с последующей компенсацией убытков (рис. 3).

Рисунок 2
Концепция системы управления национальной безопасностью

➤ Практика государственных мобилизационных кампаний показывает, что, когда власть действует неуверенно, вступает в долгие переговоры с представителями бизнеса, мобилизация срывается, что ведет к потере государственности, нестабильности экономики и общества и, как следствие, переделу собственности.

Однако актуальный уровень развития бизнеса, его вовлечение в процессы глобальной и национальной цифровой трансформации как налагают ограничения, так и дают новые возможности. В целом бизнес-модели крупного национального бизнеса все более тяготеют к платформенным моделям, выстроенным на современных цифровых технологиях. Управление в таком случае опирается на цифровой контур предприятия. Крупные корпорации реализуют стратегию «оркестровки», объединяя под своим управлением значительное число участников кооперационных цепочек, формируя закрытые экосистемы и поглощая отраслевые рынки [22].

Мобилизационные отношения между государством и бизнесом в таком случае не должны входить в противоречие с новой, цифровой природой управления на предприятии и по возможности должны быть интероперабельны — совместимы на организационном, функциональном, семантическом и техническом уровнях. По сути, государство должно иметь возможность контроля опе-

рационной деятельности в чрезвычайных ситуациях, вызванных гибридными или классическими войнами, а также возможность формирования и донесения мобилизационных заданий. Реализация такого подхода на уровне государства должна осуществляться через управление на основе цифровых активов, соответственно, к ним должен быть обеспечен доступ со стороны государственных институтов [16]. Возможно, кому-то может показаться, что такой подход противоречит либеральным ценностям и является утопическим. Однако практика государственных мобилизационных кампаний показывает, что, когда власть действует неуверенно, вступает в долгие переговоры с представителями бизнеса, мобилизация срывается, что ведет к потере государственности, нестабильности экономики и общества и, как следствие, переделу собственности.

Другие возможности, которые открываются в связи с цифровой трансформацией общества и экономики, лежат в сфере краудфандинга мобилизации. Такой подход может быть ответом прежде всего на чрезвычайные ситуации техногенного характера (катастрофы). Государство обладает ограниченными ресурсами. Необходимые ресурсы могут быть предоставлены отдельными гражданами и предприятиями на добровольной основе. Такой подход должен базироваться на открытости информации о катастрофе и идеологическом согласии участников.

Итальянский философ Джорджо Агамбен утверждает, что в современном мире чрезвычайное положение все больше становится правилом, а не управленческой технологией [23, 24]. В обоих случаях требуются специальные механизмы контроля власти, которые будут компенсировать временное упразднение прав человека или субъекта хозяйствования для борьбы с чрезвычайной ситуацией и блокирования перевода технологии в правило. Таким образом, гибкая мобилизация в случае катастрофы

Рисунок 3
Концепция гибкой мобилизации

должна опираться на повышение прозрачности информации, контроль государственных институтов и поддержку самоорганизации [25].

* * *

России предстоит продолжить сложный путь, на котором нам придется отражать все более изощренные атаки на общество, государство, экономику. Наличие развитой ядерной триады снижает вероятность открытых вооруженных конфликтов. Однако это не спасает от скрытых и открытых посягательств невоенного характера, потенциально несущих не менее значимый урон.

Существующая система национальной безопасности не отвечает современным гибридным угрозам. Предложенные подходы к цифровой трансформации системы безопасности и управления на основе цифровых активов, а также масштабирование механизма мобилизации и ее реализация в гибком формате позволят своевременно выявлять угрозы, купировать их и эффективно координировать деятельность государственных органов и экономических субъектов.

В настоящее время формируются национальные цифровые платформы, реализуются программы цифровой трансформации отраслей, складывается цифровая инфраструктура экономики. Именно сейчас есть уникальная возможность заложить требования к платформам, проектам, инфраструктурам, осуществляющим новые подходы к комплексной национальной безопасности и обеспечивающим создание механизма гибкой мобили-

зации. Такая проактивная государственная политика, базирующаяся на современных технологиях, позволит нам подготовиться к отражению любых угроз.

✉
ПЭС

Источники

1. Китанина Т.М. Проблема мобилизации промышленности и позиция предпринимателей в годы Первой мировой войны // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М.: Изд-во МГУ, 2005.
2. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/
3. Военное время // Военный энциклопедический словарь: В 2 т. / Под ред. А.П. Горкина, В.А. Золотарева, В.М. Карева и др. М.: Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1. С. 305.
4. Marton P. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq // *Corvinus Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 2. Iss. 2–3. P. 30–41.
5. Новая эра конфликтов и насилия [Электронный ресурс] // UN75. URL: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence>.
6. Алексей Фененко. Какими будут войны будущего? [Электронный ресурс] // РСМД. 2017. 19 июля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakimi-budut-voyny-budushchego/>
7. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Пять гипотез о будущем мире [Электронный ресурс] // *Международная жизнь*. 2020. № 8. С. 14–23. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2380>.
8. Евстафьев Д.Г., Ильницкий А.М. Глобальный кризис как «запал» геэкономических трансформаций: вызовы для Рос-

References

1. Kitanina T.M. *Problema mobilizatsii promyshlennosti i pozitsiya predprinimatelei v gody Pervoi mirovoi voyny* [The problem of mobilizing industry and the position of entrepreneurs during the First World War]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*, vyp. 10. Moscow, Izd-vo MGU, 2005.
2. *Federal'nyi zakon ot 26 fevralya 1997 g. N 31-FZ "O mobilizatsionnoi podgotovke i mobilizatsii v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of February 26, 1997 No. 31-FZ "On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation"]. Konsul'tant, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/
3. *Voennoe vremya* [War time]. *Voennyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Military encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, RIPOL KLAASSIK, 2001, vol 1, p. 305.
4. Marton P. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq. *Corvinus Journal of International Affairs*, 2018, vol. 2, iss. 2–3, pp. 30–41.
5. *Novaya era konfliktov i nasiliya* [A new era of conflict and violence]. UN75, available at: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence>.
6. Aleksei Fenenko. *Kakimi budut voyny budushchego?* [What will the wars of the future be like?]. RSMD, 2017, July, 19, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakimi-budut-voyny-budushchego/>
7. Evstaf'ev D.G., Il'nikskii A.M. Pyat' gipotez o budushchem mire [Five hypotheses about the future world]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2020, no 8, pp. 14–23, available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2380>.
8. Evstaf'ev D.G., Il'nikskii A.M. Global'nyi krizis kak "zapal" geekonomicheskikh transformatsii: vyzovy dlya Rossii [The global crisis as a "fuse" for geoeconomic transformations: challenges for Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2019, no 12, pp. 96–109, available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2289>.
9. Il'nikskii A.M. Novaya strategiya sderzhivaniya Rossii [New strategy to contain Russia]. *Krasnaya Zvezda*, 2020, June, 22.
10. Vitalii Polyakov. "Vlasti znali o sluchivshemsya": pochemu v situatsii s razlivom topliva v Noril'ske povavilis' nestykovki [The authorities knew about what happened: why inconsistencies appeared in the situation with the fuel spill in Norilsk]. *TVK6*, 2020, June, 4, available at: <https://tvk6.ru/publications/news/50604/>
11. Kolesnikov Yu.L., et al. *Mobilizatsionnaya podgotovka ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti* [Mobilization preparation of executive bodies of state power]. *Spetsial'nyi uchebnyk. Saint-Petersburg, FGAOU VO "SPbPU"*, 2017, 242 p.
12. *Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. N 683 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. Kodeks, available at: <https://docs.cntd.ru/document/420327289?marker=656010>.
13. *Federal'nyi zakon ot 28 iyunya 2014 g. N 172-FZ (v red. ot 31 iyulya 2020 g.) "O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii"*. *Stat'ya 14 "Informatsionnoe obespechenie strategicheskogo planirovaniya"* [Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 (as amended on July 31, 2020) "On strategic planning in the Russian Federation." Article 14 "Information support of strategic planning"]. Konsul'tant, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

сии [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 96–109. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2289>.

9. Ильницкий А.М. Новая стратегия сдерживания России // Красная звезда. 2020. 22 июня.

10. Виталий Поляков. «Власти знали о случившемся»: почему в ситуации с разливом топлива в Норильске появились нестыковки [Электронный ресурс] // ТВК6. 2020. 4 июня. URL: <https://tvk6.ru/publications/news/50604/>

11. Колесников Ю.Л. и др. Мобилизационная подготовка исполнительных органов государственной власти: Специальный учебник / Под общ. ред. А.В. Иванова. СПб.: ФГАОУ ВО «СПбПУ», 2017. 242 с.

12. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327289?marker=656010>.

13. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Статья 14 «Информационное обеспечение стратегического планирования» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

14. Психологическая оборона. Борьба за историю — борьба за будущее: Круглый стол [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны РФ. 2020. 25 августа. URL: <http://mil.ru/army2020/media/video/watch.htm?id=12279@morfVideoAudioFile>.

15. Ильницкий А.М., Лосев А. Восточный поворот // Российская газета. 2019. 15 октября.

16. Аверьянов М.А., Евтушенко С.Н., Кочетова Е.Ю. Государство и экономика: новые цифровые возможности [Электронный ресурс] // Экономические стратегии. 2017. № 5. С. 106–113. URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2017_05/es2017-05-106-113_Averyanov_Evtushenko_Kochetova.pdf.

17. Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1.

18. Горохова С.С. Искусственный интеллект в контексте обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс] // Национальная безопасность/nota bene. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kontekste-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti>.

19. Hasan H., Warne L., Crawford K. Emergent Collective Learning in Network-Centric Organizations, Society for Organizational Learning Global Forum, Vienna. 2005.

20. Иванюк В.А., Абдикеев Н.М., Пашченко Ф.Ф., Гринева Н.В. Сетевые методы управления [Электронный ресурс] // Управленческие науки. 2017. № 1. С. 26–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setetsentricheskie-metody-upravleniya>.

21. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Информационные системы управления в чрезвычайных ситуациях [Электронный ресурс] // Экономические стратегии. 2019. № 2. С. 20–29. URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2019_02/es-2019-02-020-29_Ageev_Loginov_Raikov.pdf.

22. Аверьянов М.А., Евтушенко С.Н., Кочетова Е.Ю. Когда спадает цифровой ажиотаж: две стратегии для государственного управления [Электронный ресурс] // Экономические стратегии. 2019. № 2. С. 30–37. URL: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2019_02/es-2019-02-030-37_Averyanov_Evtushenko_Kochetova.pdf.

23. Агамбен Дж. Номо Сакер. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

24. Агамбен Дж. Номо Сакер. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.

25. Григорий Асмолов. «Коронавации»: роль цифровых платформ в реагировании на пандемию [Электронный ресурс] // Теплица социальных технологий. 2020. 19 марта. URL: <https://te-st.ru/2020/03/19/coronavirus-crisis-technology>.

14. *Psikhologicheskaya oborona. Bor'ba za istoriyu — bor'ba za budushchee: Krugly stol* [Psychological defense. Struggle for History - Struggle for the Future: Round Table]. Otsial'nyi sait Ministerstva oborony RF, 2020, August, 25, available at: <http://mil.ru/army2020/media/video/watch.htm?id=12279@morfVideoAudioFile>.

15. Il'nikskii A.M., Losev A. *Vostochnyi povorot* [East turn]. Rossiiskaya gazeta, 2019, October, 15.

16. Averyanov M.A., Evtushenko S.N., Kochetova E.Yu. Gosudarstvo i ekonomika: novye tsifrovye vozmozhnosti [The State and Economy: New Digital Opportunities]. *Ekonomicheskie strategii*, 2017, no 5, pp. 106–113, available at: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2017_05/es2017-05-106-113_Averyanov_Evtushenko_Kochetova.pdf.

17. Il'nikskii A.M. *Bezopasnost' strany kak fundament razvitiya* [National security as a foundation for development]. *Arsenal Otechestva*, 2021, no 1.

18. Gorokhova S.S. *Iskusstvennyi intellekt v kontekste obespecheniya natsional'noi bezopasnosti* [Artificial intelligence in the context of ensuring national security]. *Natsional'naya bezopasnost'/nota bene*, 2020, no 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kontekste-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti>.

19. Hasan H., Warne L., Crawford K. *Emergent Collective Learning in Network-Centric Organizations*. Society for Organizational Learning Global Forum, Vienna. 2005.

20. Ivanyuk V.A., Abdikeev N.M., Pashchenko F.F., Grineva N.V. *Setetsentricheskie metody upravleniya* [Network-Centric Methods Management]. *Upravlencheskie nauki*, 2017, no 1, pp. 26–34, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/setetsentricheskie-metody-upravleniya>.

21. Ageev A.I., Loginov E.L., Raikov A.N. *Informatsionnye sistemy upravleniya v chrezvychaynykh situatsiyakh* [Emergencies Information Management Systems]. *Ekonomicheskie strategii*, 2019, no 2, pp. 20–29, available at: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2019_02/es-2019-02-020-29_Ageev_Loginov_Raikov.pdf.

22. Averyanov M.A., Evtushenko S.N., Kochetova E.Yu. *Kogda spadaet tsifrovoi azhiotazh: dve strategii dlya gosudarstvennogo upravleniya* [When Digital Boom Falls Down: Two Stratagems for Public Administration]. *Ekonomicheskie strategii*, 2019, no 2, pp. 30–37, available at: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2019_02/es-2019-02-030-37_Averyanov_Evtushenko_Kochetova.pdf.

23. Agamben Dzh. *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign power and naked life]. Moscow, Evropa, 2011, 256 p.

24. Agamben Dzh. *Homo Sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo Sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa, 2011, 148 p.

25. Grigorii Asmolov. *"Koronovatsii": rol' tsifrovyykh platform v reagirovani na pandemiyu* [Coronations: the role of digital platforms in the pandemic response]. *Teplitsa sotsial'nykh tekhnologii*, 2020, March, 19, available at: <https://te-st.ru/2020/03/19/coronavirus-crisis-technology>.